

Д. Н. Федорова ФУТБОЛ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ*

Во время Чемпионата мира по футболу 2010 г., наряду с разнообразной «околофутбольной» продукцией (потоки сувениров, рекламы, ток-шоу, дискуссионные клубы, лотереи, флаги¹), в Англии, привлекала внимание реклама пива «Карлсберг»² на ВВС. Под звуки эпической музыки на экране появлялись рыцари круглого стола, игроки, призывно ревуший лев.³ За кадром торжественно возвещали: «Их всего 11, и против них мир... Нация с ними. Вперед, львы! Во имя предков».

Спорт в новейшее время выступает значимой гранью идентичности.⁴ В эпоху кризиса

британской и английской идентичности и роста этнического самосознания во второй половине XX в. спорт становится трибуной обсуждения различных аспектов жизни сообщества, способом эмоциональной компенсации и мобилизации населения, одним из видов преимущественно мужской сублимации.⁵

С 1960-х гг. в историографии наблюдается всплеск интереса к изучению спорта.⁶ В Англии исследование футбола носит знаковый характер, так как влечет за собой рассмотрение проблем империализма, национализма, расизма, мультикультурализма, регионализма.

Put out more flags, или Историческое значение футбола

Любой англичанин скажет, что футбол — национальный вид спорта в Англии, здесь он изобретен и популяризирован. Именно в этой стране футбол превратился из ритуальной игры в явление международной политики, стал носителем индивидуализма и прагматизма, символом международного признания.⁷ В условиях империализма через бокс, футбол и другие виды спорта происходило приобщение колоний к ценностям Запада. В рамках метрополии футбол стимулировал самоорганиза-

дованию проблем идентичности и национализма — примордиализма и конструктивизма. В этом отношении приемлемая предложенная А. В. Головинёвым концепция дрейфа этничности, настроенная на понимание идентичности не как раз и навсегда определенной статичной позиции, а как гибкого и ситуационно изменчивого динамического свойства, имеющего современные формы и обладающего устойчивостью во времени. См.: Головинёв А. В. Дрейф этничности // Урал. ист. вестн. 2009. № 4 (25). С. 46–55. Используется и концепция Дж. Де-Воса в разработке принципа социального инструментализма (на стыке с социально-психологическими теориями), где этничность понимается как присущий группе внутренний психо-культурный ресурс, как культурные архетипы, актуализируемые извне. См.: Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. М., 2001. С. 229–277.

⁵ См.: The Anthropology of Sport. Bergin; Garvey, 1995; Conn D. The Beautiful Game?: Searching for the Soul of Football: Searching the Soul of Football. Yellow Jersey, 2005.

⁶ См., например: McIntosh P. C. Sport and Society. L., 1963; Sport in the Modern World — Chances and Problems. B.; N.-Y., 1973; American Sport Culture. Lewisberg, 1985; Guttmann A. Women's Sports: A History. N.-Y., 1991 и др. С 1996 г. в Великобритании выходит журнал, посвященный социологии и антропологии спорта — International Review for the Sociology of Sport: www.irs.sagepub.com.

⁷ См.: Абдулкаримов С. А. Спорт и культурная идентичность в обществе: история и современность // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 88.

¹ Так называемая «flag-waving hysteria». См.: Carrington B. Where's the White in the Union Jack? // Imagined Nation: England after Britain. L., 2008. P. 109–133.

² «Карлсберг» (Carlsberg) — официальное пиво главного стадиона страны «Уэмбли» и официальный спонсор сборной Англии по футболу с 2010 г. См. официальную страницу сборной на сайте ФИФА, Международной ассоциации футбола: <http://www.thefa.com/England/>.

³ Символ сборной Англии по футболу.

⁴ Национальная (преимущественно с гражданскими компонентами) и этническая (с культурными) идентичность есть идентичность коллективная, строящаяся на противопоставлении с Другим, предполагающая принятие и усвоение представлений, идеалов, норм, форм презентации общности. См.: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983; Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, 2004; Дробижева Л. М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. 2001. № 2. С. 28; Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. В работе учитывается, что понимание идентичности необычайно разнообразно и субъективно, и оно всегда определено тем культурным и профессиональным контекстом, в котором функционирует. Для изучения и характеристики идентичности делается попытка преодоления дихотомии подходов к исследованию проблем идентичности и национализма — примордиализма и конструктивизма.

Федорова Дина Николаевна — аспирант, м.н.с. сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: dina.rain@mail.ru

* Работа проводилась при поддержке гранта РГНФ 10-01-00241а (рук. А. В. Головинёв), 11-31-003292а (рук. Д. Н. Федорова). Данная статья создана в рамках работы над темой «Идентичность и мультикультурализм в условиях постимперскости (на материалах Великобритании)» и основывается прежде всего на этнографических материалах авторского коллектива. Об отражении дискуссий об идентичности в историографии, литературе, кино, журналистике, политике, экономике см.: Федорова Д. Н. «Englishness» vs «Britishness», или Поиски национальной идентичности в Британии 1990-х гг. // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2009. № 4 (25). С. 87–95; Она же. Forging the nation, или Идентичность в полиэтничных государствах (на материалах современной британской историографии) // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2010. С. 335–348.

цию армии и всего общества, способствовал приобретению коллективной идентичности и формированию моделей мужественности. Р. Баден-Пауэлл, основавший в 1908 г. движение бойскаутов на фоне разложения армии в Индии, находил, что «увлеченность спортом... есть залог успеха Британской империи».⁸ Сегодня участие в соревнованиях мирового уровня означает международное признание.⁹

Падение империи в середине XX в. спровоцировало в Британии кризис британской идентичности (прежде «англизированной» понятия), начавшей дробиться на английскую, шотландскую, валлийскую, индийскую, «мусульманскую» составляющие.¹⁰ Если другие народы империи испытывали подъем идентичности, то англичане как «титовая нация» оказались в ситуации негласного вето на ее исповедание. В противовес этому начал формироваться концепт «Малой Англии», означавший стремление заново создать «старый добрый» английский мир наподобие Шира Р. Толкиена.¹¹ Но размытость идентичности, историческая индифферентность к традиционной культуре не позволяют англичанам вести полноценный диалог в этом этническом буме.¹²

До середины 1990-х гг. английский «национализм» нередко имел маргинальный характер: основными акторами «идеологии» становились скинхеды, крайне правые партии, такие как Британская национальная партия (British National Party), Национальный фронт (National Front), Партия независимости Соединенного Королевства (UK Independence Party), антифашисты Объединения против фашизма (Unite Against Fascism), футбольные хулиганы и др. В 1990-е гг. дебаты об «английскости»

особенно активизируются, и их участниками, помимо маргинальных слоев рабочего класса, становятся интеллектуальные и политические элиты. Основной площадкой дискуссий остается футбол.¹³

С 1960-х гг. рабочая молодежь Англии, не имея средств на другие развлечения, выбирала футбол — сначала посещая местные матчи, затем выезжая за пределы графства, страны и т. д. Многие матчи заканчивались столкновениями болельщиков. Фанаты коллекционировали газетные заметки о «битвах», отобранные у противников «трофеи».¹⁴ Расцвет футбольного «национализма», «расизма» и джингоизма пришелся на 1980-е гг., достигнув своего пика во время конфликта на Фолклендских островах.¹⁵ Но привлекательность этого движения заключалась в его открытости разным идеям.¹⁶

В 1985 г. во время потасовок между клубами «Ювентус» и «Ливерпуль» на финальном матче Кубка Европы на стадионе «Эйзель» погибло 39 человек, в 1989 г. на стадионе «Хилсборо» — 90 ливерпульцев. Ситуация была настолько серьезной, что М. Тэтчер даже предлагала запретить профессиональный футбол. Движение пошло на спад, футбольный экстре-

⁸ Enloe C. Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. L., 1989. P. 49, 50.

⁹ См.: Goldblatt D. The Ball is Round: A Global History of Football. Penguin, 2007.

¹⁰ См.: Perryman M. Becoming England // Imagined Nation: England after Britain. P. 13.

¹¹ См.: Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 122–124.

¹² Под негласным лозунгом «Вывешивайте больше флагов!» (Put out more flags) интеллектуальная элита и общественность начинают искать подобные символы в мифологии, истории и литературе (вплоть до танца Моррис, морских песен (так называемых sea shanties), гимна «Боже, храни королеву» и др.). См.: Aughey A. The politics of Englishness. Manchester, 2007. P. 2–4; Wright C. Conserving Purity, Labouring the Past: a Tropological Evolution of Englishness // Empire and After: Englishness in Postcolonial Perspective. Oxford, 2007. P. 159–180.

¹³ См.: Milza P. L'Europe en chemise noire: Les extremes droites en Europe de 1945 à aujourd'hui. Fayard, 2002; Шнирельман В. А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М., 2010.

¹⁴ В ходе поездки в Англию в июне–июле 2010 г. по гранту РГНФ собрано более 100 интервью, проведено анкетирование и блиц-опросы среди более 150 респондентов. В качестве исследовательского инструментария были использованы глубокие интервью (по специально составленному «беседнику»), непосредственное наблюдение (с применением средств визуальной антропологии, прежде всего фотографии), а также коммуникация посредством интернет-ресурсов. Устные свидетельства помогают увидеть не официальную версию этнического взаимодействия, а реальную ситуацию — в бытовых деталях, оценках, описаниях и ощущениях ее участников; т. е. способствуют более глубокому его пониманию. Полные материалы автора (далее ПМА) хранятся в электронном фонде ИИиА УрО РАН. В ходе подготовки статьи были обработаны материалы форумов футбольных болельщиков, а также комментарии к новостям о футболе, размещенные на сайтах газет «The Guardian», «The Independent» и др., материалы дебатов в Палате общин по поводу футбольного хулиганства 2010 г., транслировавшихся по BBC, ряд статей и книг, написанных от имени фанатов. Материалы, иллюстрирующие положения автора, выбирались с учетом их репрезентативности в данном контексте.

¹⁵ См.: Merkel U., Tokarski W. Racism and Xenophobia in European Football. L., 1997; Carrington B., McDonald I. «Race», Sport and British Society. L., 2001.

¹⁶ На стадионах вербуют своих сторонников крайне правые, левые, антиглобалисты, защитники окружающей среды и т. д. См.: Black L., Crabbe T., Solomos J. The Changing Face of Football: Racism, Identity and Multiculture in the English Game. Oxford, 2001.

мизм стал уступать свои позиции сдержанному национализму и патриотизму.¹⁷ Новый всплеск национализма и антиисламизма произошел после взрывов в лондонском метро в 2005 г. О футбольном хулиганстве и движении скинхедов красочно рассказывают фильмы «Заводной апельсин» (*A Clockwork Orange*) С. Кубрика (1971 г.), «Фирма» (*Firm*) А. Кларка (1988 г.) и «Это — Англия» (*This is England*) Ш. Мидоуз (2006 г.).

*Варту арту, или Локальное
значение футбола*

Сегодня футбол в Англии — разветвленная экономически успешная финансовая система клубов, конференций, лиг и обслуживающих их институтов. Согласно данным ФИФА 2010 г., в Футбольной ассоциации Англии зарегистрировано 40 000 футбольных клубов. Таким образом, даже без учета численности населения, Англия стоит на первом месте в мире по количеству клубов.¹⁸

У большинства футбольных клубов есть неформальное название, свой стадион, некое сакральное пространство. Например, у клуба «Сандерленд», фанаты которого называют игроков «черными котами» (*Black Cats*), а болельщики враждебного «Ньюкасла» — «макемами» (*Makems*), матчи проходят на «Стадионе света» (*Stadium of Light*). Сандерленд — маленький городок в депрессивной Северной Англии, но его стадиону могут позавидовать российские города-миллионники.

Клуб не слишком успешен, и билеты не дешевы, но каждую субботу сандерлендцы со своими семьями устремляются на стадион. Джон Амбри, рабочий завода «Ниссан» (филиал этой компании и университет дают основные рабочие места в городке, они были построены в 1990-е гг. в рамках кампании по преодолению экономической и социальной депрессии в регионе), с детства увлекался футболом. Он так оценивает значимость связи болельщиков с командой: «Вы родились в семье, где на протяжении многих поколений болели за определенную команду (возможно, эта информация должна присутствовать в паспорте)». Роберт Джуит, молодой преподаватель университета, нередко но-

сит одежду с символикой клуба, его рабочее место плотно украшено футбольной символикой, в том числе картинками с победного чемпионата 1966 г. Он посещает чемпионаты Европы, болеет за сборную, рассказывает, как сталкивался однажды с итальянскими болельщиками. По словам Роберта, «футбол, и это его великое свойство, несмотря на старания политиков, не поддается использованию в политических целях, и поэтому любовь к этой открытой и простой игре объединяет людей самых разных классов и культур, не важно, кто ты — бедняк или богач, индеец, карибец, шотландец или англичанин. Через футбол как люфт можно даже в средний класс попасть!». А Джон уверен, что футбол — игра исключительно белого рабочего класса англичан.¹⁹

В качестве иллюстрации облика типичного английского футбольного фаната приведем высказывание болельщика клуба Хаддерсфилда: «Я обычный здоровый белый гетеросексуал, голосующий за партию лейбористов. Мне не очень нравится королевская семья, зато над ней можно подшучивать, да и туристы ее любят. Я просто нормальный парень, у которого есть девушка и работа, который любит играть летом в футбол и чуть-чуть в крикет. Но меня чертовски злит то, что происходит с моей страной. Наша культура теряет свою самобытность, нас унижают за то, что мы не любим Европу, а любим свою страну. Мы вынуждены принимать тех, кто даже не хочет говорить на нашем языке... Уверен, миллионы таких, как я, думают так же, но у нас нет своего голоса, нет трибуны. Впрочем, однажды мы объединимся и напомним, что существуем».²⁰

Клуб — некий стержень, вокруг которого и сегодня организуется жизнь локальных сообществ. Э. и Д. Бримсоны, авторы культовых книг о футболе,²¹ рассуждая о тотальной «любвонной связи» фанатов с клубами, приводят свидетельства болельщика: «“Уотфорд” принадлежит мне, в нем все мои надежды и мечты... Я его никогда не покину... потому что... он — мой. Это не похоже на брак или жизнь

¹⁹ ПМА.

²⁰ Там же.

²¹ Сочинения братьев Бримсонов, «возможно, из-за болезненности и маргинальности тематики» на сегодняшний день являются практически единственными опубликованными источниками по мировоззрению футбольных фанатов. См.: Perryman M. Op. cit. P. 14, 15.

¹⁷ См.: Garland J., Rowe M. *Racism and Anti-racism in Football*. Palgrave, 2001.

¹⁸ FIFA Big Count 2006: 270 million people active in football. P. 12. [Http://www.fifa.com/mm/document/fifafacts/bcoffsurv/bigcount.statspackage_7024.pdf](http://www.fifa.com/mm/document/fifafacts/bcoffsurv/bigcount.statspackage_7024.pdf)

под одной крышей... Как говорится, в море полно рыбы, но разве можно бросить клуб, за который болеешь? Болеть за национальную сборную — совсем другое дело, ведь она не принадлежит нам.... Когда «Уотфорд» находился в зените славы... у нас была возможность полюбоваться на своих игроков в форме сборной, но нам казалось, что они представляют нас, а не всю страну. Фанат получает возможность идентифицировать себя с кем-то».²² Завсегдатай паба Сандерленда сказал: «Истинная страсть англичан к футболу проявляется на уровне клубов. Сборная деградирует просто потому, что мы уже не гордимся ею. Все это заполнили предприниматели, спонсоры, они интересуются только выгодой...».²³ Есть и другие мнения: «Я родился в Лондоне, и английская сборная — мастера игры, моя любимая команда, представляющая всю страну со всем социальным и культурным многообразием».²⁴

Футболисты — главные герои светских сплетен и общегражданских новостей, развлекательных и дискуссионных передач, документального и художественного кино. У многих подавляющее большинство закладок в телевизоре — спортканалы. В доме непременно хранятся спортивные награды и тематические сувениры. Ежегодно в Англии защищаются диссертации по истории, политике и антропологии футбола. Гендерная окрашенность данных предпочтений и занятий очевидна: большинство авторов — мужчины, как правило, средних лет.²⁵ Политики и общественные деятели пытаются использовать футбольные трибуны в качестве плацдарма для манипуляций общественным мнением, как, например, это сделал премьер Д. Кэмерон в 2006 г. во время предвыборной кампании.²⁶ СМИ Великобритании (такие как BBC, «The Guardian», «The Independent») регулярно освещают события, связанные с футболом, рассказывают о футболистах, занятиях их жен и подруг, о кулинарных предпочтениях, манере одеваться, о любовных приключениях, маленьких радостях и др.

К этой спортивной игре англичане относятся серьезно, эмоционально и задиристо — вне зависимости от статуса и происхождения. В условиях тотальной регламентации английской жизни (строгость закона, установка на сдержанность, установленные повсеместно камеры слежения и пр.) футбол с его групповым «экстазом», «околодевиантным» поведением, алкогольной несдержанностью, «оголтелой» коллективностью становится формой социальной сублимации, регулятором психической напряженности. Когда Джон Смит во время просмотра новостей увидел сюжет о мужчине, который застрелил 28 человек, а после убил себя (беспрецедентная история, широко обсуждавшаяся в СМИ), он высказал мнение, что «этого бы никогда не случилось, если бы он чаще ходил на футбол».²⁷

Риторика поддержки футбольной команды сродни военной. Так, С. Кудрин в ходе своего исследования выяснил, что базовой метафорой в когнитивной ситуации «футбол» и одним из наиболее распространенных фреймов восприятия этой игры у англичан является метафора «футбол — война»: она встречается чаще других (44% основного массива опрошенных). Игра также «ассоциируется с дуэлью, гонкой, бизнесом, выгодной сделкой, стихией, театром, живым организмом, пищей, религией».²⁸

Футбольные трибуны становятся сегодня местом столкновения не только болельщиков двух команд, но и (виртуально) регионов, стран. Не случайно в ходе Фолкленда 1982 г. английские фанаты во время Кубка Испании (как и сегодня, впрочем) носились с лозунгом «*barry army*» (бешеная армия), красноречиво обозначая собственное назначение — футбольная, но армия народа. Помимо результата игры, сам процесс их чрезвычайно увлекает: важна честность и открытость игры, виртуозность «тактики ведения боя».²⁹

Игроки приобретают статус культурных героев, кумиров целых поколений зрителей и болельщиков. Заслуги выдающихся спортсменов становятся событием в жизни страны. Отождествляя себя с игроком, болельщик лично приобщается к победе, испытывает подсо-

²² Бримсон Д. и Э. Англия, моя Англия: зло, следующее за сборной. СПб., 2007. С. 25.

²³ ПМА.

²⁴ Hesselman M. Three World Cups and No More Wars // *Imagined Nation: England after Britain*. P. 178–189.

²⁵ ПМА.

²⁶ См.: Perryman M. *Op. cit.* P. 15.

²⁷ ПМА.

²⁸ Кудрин С. А. Метафорика спортивного дискурса: «футбол — война» // *Вопросы филологии*. М., 2010. № 2(35). С. 127. См. также: Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.

²⁹ ПМА.

знательную иллюзию вечной и великой жизни. И в этом смысле футбол — «религия».

Чемпионат мира по футболу 2010

И без того немногочисленные улицы маленького Сандерленда (англичане много времени посвящают работе, уединению) совсем опустели: жители, мужчины и женщины, подростки и старики, наблюдали за Чемпионатом мира 2010 по ТВ дома и в пабе — многие в одеждах с футбольной символикой (флаг, герб со львом и единорогом). Дома пестрели шарами, флагами; во время игр доносились звуки свистков; люди разных возрастов распевали песни и распивали пиво, хлестко ругались и, в целом, вели себя нетипично развязно.

Представители иных этнических групп, не англичане, стараются не посещать подобного рода собраний, хотя в пабах могут сидеть и негритянки. В Лондоне и других крупных городах среди ярких болельщиков английской сборной часто встречаются индийцы, пакистанцы и т. д. Столкновения между шотландскими и английскими болельщиками происходят серьезные, но не переходят во вражду. «Шотландцы наши братья, пускай заблудшие», — нередко повторяют англичане (в отличие от шотландцев, которые часто настроены агрессивно). Для англичан вся Британия — их территория, вотчина, империя. Поэтому они, особенно в Лондоне, могут поддерживать сборную британским Union Jack, а не английским Saint George (последний популярен в провинции — бастионе трансформирующейся английскости).

Решающую игру с Германией британские СМИ неоднократно сравнивали с Трафальгарским сражением и битвами II Мировой войны, при этом часто допуская различные проимперские и шовинистические высказывания. После поражения своей сборной английские болельщики сняли флаги и футболки, а рейтинги передач, транслирующих игры чемпионата, сильно упали. В СМИ состоялось множество дискуссий о жизнеспособности Англии, о необходимости менять мироощущение и вспомнить, что Англия отныне не великая держава, а маленькая островная страна. Следует заметить, что носителей проимперской и пролокальной идеологий оказалось примерно равное количество: первый дискурс был представлен преимущественно мужчинами, а дискурс Малой

Англии, уютной и толерантной страны, — женщинами и представителями неанглийских этнических групп. В ходе дебатов слышались высказывания: «Поражение в футболе для англичан означает, что страна стоит на коленях», или «Мне плевать. Это ничего не значит. Футбол стал жадным». ³⁰ Появились заметки о том, что футбольные болельщики «Manchester United» массово надели золото-зеленые шарфы с символикой клуба, бывшей до американского руководства, в знак протеста против иностранного вторжения, во имя возвращения к «великому английскому аутентичному футболу». ³¹ 80-летняя жительница Хаддерсфилда заявила, что «англичане бы не проиграли, если бы не иностранные игроки в составе сборной». Ведущий радио-шоу «London Biggest Conversation» С. Ален резюмировал общие настроения так: «Большинство болеющих за английскую сборную англичан — это люди, которые, сожалея о том, что мы больше не правим этим миром, хотят, чтобы мы дрались с противником на стадионах так, как мы когда-то [во времена Империи] дрались с ним на чужих берегах. Но мы больше не правим миром и слишком многого ожидаем от футбола». ³²

Вскоре после окончания чемпионата небольшая приходская церковь в Хаддерсфилде вернулась к своей тихой жизни. Чемпионат ненадолго вдохнул в нее жизнь: жители городка бывали здесь чаще. Тишина, мягкий свет, изолированность от внешнего мира, у окна все еще висит английский флаг, стоят свечи и подписано: «Удачи тебе, Англия».

Несомненно, отношения футбола и современной английской идентичности необычайно противоречивы: с одной стороны, футбол является территорией ностальгической и ура-патриотической английскости, а с другой — символом противоречий и проблем английского народа. В 1990–2000-е гг. футбол стал символом культурной идентичности и «второй религией» англичан, и проведение крупных чемпионатов служит подъему национального самосознания. Но, подобно Российской Федерации и Советскому Союзу, Англия неформально остается преемницей Британской империи, а значит, виновницей резко критикуемого ныне обще-

³⁰ Там же.

³¹ Wallace S. I promise not to let England down, Rooney tells Capello // Independent. 2010. Sept. 7.

³² LBC 97.3 FM. 2010. 27 June.

ством колониализма и шовинизма. Английская культура, на протяжении столетий вынужденная быть трансэтнической, британской, сегодня прочно вобрала в себя множество инокультурных элементов. Но в данном статусе англичане больше не могут находиться. Как пишет А. Боком, с потерей «внешней и внутренней империи» название «Англия», прежде ассоциировавшееся с метрополией

вообще, стало обозначать ту землю, которой больше не существует.³³ Через осознание своей принадлежности к культурной группе англичане стремятся сегодня найти выход из состояния социальной беспомощности, почувствовать себя частью общности, которая обеспечит им ценностную ориентацию в динамичном мире и защитит от больших невзгод.

Ключевые слова: *футбол, этническая/национальная идентичность, антропология, Северная Англия, рабочий класс, английскость, национализм, мультикультурализм*

FOOTBALL AND IDENTITY IN CONTEMPORARY ENGLAND

Sport in the new age is acquiring a meaningful role in cultural identity. At the time of the crisis of the British and the English identity and the growth of ethnic self-consciousness characteristic for the second half of the 20th century the subject of football is becoming a forum for discussing all aspects of life of the community, a means of emotional compensation and mobilization of the population of England, and a symbol of cultural identity and the “second religion” of the English. At the same time the study of football inevitably requires investigation of the problems of xenophobia, multiculturalism, football vandalism, extreme right-wing nationalism, local identities, left-wing antifascism, imperialism, and concepts of historical supremacy.

Dina N. Fedorova

³³ Baucom I. Out of Place: Englishness, Empire and the locations of identity. Princeton, 1999. P. 276, 277.